

В.В. Бочаров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Введение

Политическая антропология (ПА), в отличие от других социогуманитарных наук, занимающихся изучением политической сферы, традиционно сосредоточивает свое внимание на доиндустриальных обществах. Ее становление как относительно самостоятельной дисциплины происходило в процессе изучения «примитивных» социумов. До последнего времени ПА как самостоятельная субдисциплина в рамках социальной антропологии (или этнографии) отсутствовала в учебных планах российских образовательных учреждений. Впервые в качестве спецкурса по выбору она стала преподаваться в С.-Петербургском государственном университете в 1994 г., на кафедре культурной антропологии и этнической социологии, а с 1997 г. это обязательный для посещения студентами спецкурс. В то же время на Западе ПА имеет глубокие научные традиции и неизменно включается в число обязательных дисциплин, преподаваемых на антропологических факультетах, число которых в последние десятилетия стремительно растет [1].

Сегодня ПА с ее научными традициями не только продолжает служить основным инструментом познания власти и властных отношений в обществах, сохранивших до сего времени мощный архаический субстрат, но имеет немалый потенциал для исследования некоторых аспектов подобных отношений в индустриальных (постиндустриальных) системах и, таким образом, может существенно обогатить наши представления о политическом процессе. Особенно продуктивно политико-антропологические методы могут быть использованы для изучения российских политических реалий.

Бочаров Виктор Владимирович (1949 г.р.) — доктор исторических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.
Адрес: 192007, С.-Петербург, Лиговский пр., д. 130, кв. 129.
Тел.: (812) 112-81-66.

Из предыстории ПА

ПА как отрасль антропологической науки возникла чуть более полувека назад. Датой ее рождения принято считать выход в свет книги «Африканские политические системы» (1940 г.) под редакцией М. Фортеса и Е. Эванс-Притчарда и с предисловием, написанным другим столпом антропологии — А. Рэдклифф-Брауном [2]. Несомненно, однако, что корни ПА уходят в более отдаленные времена.

К концу прошлого столетия эмпирические данные по «дикарям» стали вступать в противоречие с господствовавшими до этого времени на Западе представлениями, идущими от Платона — Аристотеля — Гоббса — Руссо, о том, что управление и политика являются плодами цивилизации, а до этого в общественном устройстве царила анархия. Европейцы, сталкивавшиеся в те времена с «туземцами», искренне удивлялись, обнаруживая, что вместо ожидаемого хаоса их повседневность характеризуется строгими правилами и порядком, который они «неукоснительно соблюдают» [3, с. 154]. Причем поддержание такого порядка, что особенно поражало первопроходцев, происходило при отсутствии специальных институтов принуждения (государственных институтов), призванных этот порядок гарантировать, как это имеет место в «цивилизованных» странах.

Во второй половине XIX в. выходят в свет работы Л. Моргана, Г. Мэна, Р. Лоуи и др. [4; 5; 6]. Эти исследования, посвященные анализу тех или иных социально-регулятивных систем обществ, находящихся на ранних стадиях развития (американских индейцев, австралийцев и т.д.), были ориентированы на открытие универсальных законов, определивших происхождение и развитие «примитивных» социально-политических институтов, на установление их генетической связи с современными институтами. Уже в этих работах обозначились многие фундаментальные проблемы, на решение которых направлены усилия в том числе и современных антропологов. В частности, была поставлена проблема соотношения таких институтов, как род, семья, племя, государство, проблема соответствия типа социально-политической организации социума доминирующим формам экономической деятельности, формам собственности и др.

К началу эпохи национально-освободительных революций (конец 1950-х гг.) школа ПА сформировалась в Великобритании, началось формирование таких школ в США и во Франции. Если учесть, что в Европе в этот период уже существовала довольно глубокая научная традиция изучения политики, то возникает правомерный вопрос: зачем понадобилась «изобретать» новую научную дисциплину, если ее объект исследования, а именно, власть и властные отношения в обществе, практически совпадал с объектом уже существовавших наук, в частности, политологии? Ответ на этот вопрос напрямую связан с колониальной практикой европейцев в нынешнем столетии.

Общественно-исторические предпосылки появления ПА

Первая проблема, с которой европейцы столкнулись на захваченных ими территориях, была чисто политическая, а именно: организация управления проживавшими на них народами. Поэтому первоначально антропология была осознана как прикладная наука, которую необходимо использовать для организации эффективного управления «туземцами» [7, р. 184]. Именно эти цели преследовали первые ученые, которые впоследствии стали создателями знаменитых антропологических школ: Б. Мали-

новский, А. Рэдклифф-Браун, М. Глакман, Е. Эванс-Притчард и др.

Однако общества, выступавшие на этот раз в качестве объекта исследования для европейских ученых, существенно отличались от тех, которые они изучали до сих пор. Здесь политическая сфера как специализированная область человеческой деятельности либо вовсе отсутствовала, либо была представлена в едва заметной форме. Поэтому им пришлось искать новые теоретические подходы и методы исследования, отличные от тех, которые они с успехом использовали при исследовании европейских обществ. Таким образом, появление ПА было, с одной стороны, вызвано практическими потребностями европейцев по изучению управленческих структур колонизованного населения, с другой, невозможностью применения традиционных для того времени наук.

Итак, ПА явилась, по сути дела, теоретическим осмыслением европейцами (прежде всего англичанами) своего опыта по организации управления в колониях, который объективно требовал использования новых научных парадигм.

Культурно-исторические предпосылки возникновения ПА

Колониальные захваты имеют огромную историю, которую можно вести со времен Древнего Рима. Появление же науки вследствие колониальной политики европейцев в XIX–XX вв. объясняется как уровнем социально-экономического развития стран-метрополий, так и уровнем эволюции их общественного сознания. Захватническая политика европейцев ориентировалась, в первую голову, на получение прибыли. Поэтому современные завоеватели стремились организовать управление завоеванными народами максимально эффективно и с экономической точки зрения. Получение же прибыли посредством экономических рычагов в данном случае было невозможно из-за крайне низкого уровня социально-экономического развития этих народов (отсутствие частной собственности, армии наемного труда и т.д.). Поэтому только внеэкономическое принуждение, реализуемое через систему социально-политического управления, могло стать инструментом для извлечения прибыли. К этому выводу приходили многие колониальные чиновники [8, р. 94].

Рационализация колониальной деятельности европейцев была также следствием уровня эволюции общественного сознания, в котором научно-теоретическая составляющая занимала важное место. Уже в начале столетия здесь наблюдается огромный интерес науки к управлению как относительно самостоятельному виду человеческой деятельности. В частности, появились работы, касающиеся организации управления предприятием (Ф.У. Тейлора в 1903 г., А. Файоля в 1916 г.). Причина этого интереса — опять же получение максимальной прибыли при минимальных затратах. Большой вклад в научно-теоретическое осмысление политической сферы внес на рубеже веков М. Вебер.

Поэтому неудивительно, что европейская колонизация в XX столетии сопровождалась активным научно-теоретическим осмыслением, результатом которого было возникновение ПА как самостоятельной научной дисциплины.

Теоретико-прикладные аспекты ПА

Колонизованные народы стали своего рода испытательным полигоном, на котором «обкатывались» различные теоретические концепции управления. В частности, в 20–30-е гг. возникли «теории» колониального управления, наиболее известные из которых — «прямое» и «косвенное» управление. Под «косвенным» понимался такой вид управления, при котором сохранялись доколониальные (традиционные) властно-управленческие структуры (английский вариант). При «прямом» же управлении эти структуры разрушались, а на их месте создавались новые, по образу и подобию европейских (французский вариант) [9, p. 125].

Выбор той или иной концепции управления во многом, конечно, зависел от политической культуры (ПК) самой метрополии. Понятно, что французы, отвергшие монархию как форму правления, перенесли свой политико-культурный опыт и на колонии, англичане же — наоборот, ориентировались на использование подобных институтов в своей колониальной политике. На деле же, как показывает анализ того и другого опыта, они имели много схожего [10, с. 136–204]. Эта схожесть была также мотивирована экономическими причинами: управлять через большое число европейских чиновников, которым надо было платить намного больше, чем гораздо меньшему числу наемных служащих из местного населения, было невыгодно.

Однако английская политика не только несла в себе политико-культурный опыт развития самой Англии, но имела вид тщательно разработанной схемы практических действий, имевших серьезное научное обоснование. Б. Малиновский писал о близости «косвенного» управления к научному эксперименту, а «временами даже к контролируемому эксперименту, какой только может быть обнаружен в общественной науке» [11].

Основной научной гипотезой, как следует из анализа этого эксперимента, было предположение, что традиционные институты власти можно использовать в качестве активного элемента при формировании принципиально иных общественных отношений: «Признанные традиционные институты власти должны стать не просто частью управленческой машины, но жизнеспособной ее частью, что дало бы возможность направлять энергию и способности туземцев на сохранение и развитие своих собственных институтов» [12, p. 10].

Деятельность колониальных чиновников, осуществлявших этот эксперимент, протекала в тесном взаимодействии с представителями науки (государственными антропологами). Б. Малиновский так определял характер их взаимоотношений: «Администратор должен сформулировать, какие знания ему необходимы по первобытному праву, экономике, обычаям и институтам. Затем он должен направить научную деятельность антрополога в нужном направлении, чтобы получить информацию, без которой он вынужден действовать наощупь» [13, p. 22].

Одним словом, ПА возникает как осмысление крупнейшего социального эксперимента, в ходе которого была сделана попытка исполь-

зования науки для организации эффективного управления «примитивными» народами. Тот же Б. Малиновский так характеризовал роль науки в колониальной практике: «Должны ли мы смешивать политику с наукой? В одном случае — решительно да. Если знание позволяет предвидеть события, а предвидение, в свою очередь, означает власть, бессмысленно настаивать на том, чтобы научные результаты не были использованы теми, кому суждено управлять. Важность изучения культурных контактов и культурных изменений, вызываемых этими контактами, была осознана в большинстве стран, перед которыми стояла проблема управления колониями, что привело к развитию там антропологии» [13, р. 4].

От эволюционизма к функционализму в ПА

Колониальный процесс нынешнего столетия, в ходе которого европейские государства, по сути, решали задачу по организации рационального управления на большей части всего остального мира, вызвал небывалый всплеск новых научных парадигм в западном обществоведении. Резко возрастает число антропологических исследований, а сама антропологическая наука становится законодателем моды, поставляя в другие дисциплины новые теоретические подходы, методы исследований. Если до этого в науке господствовал эволюционизм, то теперь он уступил место функционализму. Одним словом, если раньше ученых главным образом интересовал вопрос исторического происхождения тех или иных современных явлений, то сейчас — закономерности, связанные с функционированием их в культуре. Причем антропология того времени категорически дистанцируется от других общественных наук, справедливо считая, что последние сформировались в процессе изучения европейских обществ, а значит, их методы и понятия мало пригодны для анализа сообществ «примитивных».

Это нашло отражение и в классическом труде, от которого ведет свое летоисчисление ПА. В предисловии к «Африканским политическим системам» заявлялось: «Мы не видим, чтобы теории политических философов помогали нам понять те общества, которые мы изучаем... Они обычно опирались на гипотезы о том, что ранние стадии не имели политических институтов или имели их в крайне рудиментарной форме, и пытались реконструировать процесс возможного развития этих элементарных форм организации в политические институты, с которыми они были знакомы по своим собственным обществам... Мы не думаем, что истоки примитивных институтов могут быть раскрыты, а потому и не считаем, что их следует искать. Мы говорим от имени всех социальных антропологов, когда заявляем, что научное исследование политических институтов должно вестись индуктивным сравнительным методом и иметь своей целью только констатацию и объяснение единообразия, обнаруживаемого в этих институтах, и взаимозависимости их от других черт социальной организации» [2, р. 4–5].

Основатель отечественной африканистики Д.А. Ольдерогге справедливо увязывал появление функционализма с английской колониальной практикой: «Использование туземных институтов в целях колониального управления требует от колониальных чиновников знания этих институтов и тех функций, которые они выполняют в родовом обществе. Из этой потребности колониального управления родилась функциональная школа в этнографии (антропологии — *В.Б.*)» [14, с. 44–45].

Прагматический аспект функционализма подчеркивал М. Глакман, который, критикуя его создателя Б. Малиновского, отводил функционализму лишь «роль удобной

схемы при проведении полевых исследований», считая его непродуктивным при анализе процесса социальных изменений [15, p. 16].

Согласно взглядам функционалистов, общество (культура) состоит из определенным образом организованных форм человеческой деятельности — институтов. В любой культуре имеется набор таких институтов, обладающих теми или иными функциями, которые изменяются в процессе ее исторической динамики [11, p. 49–50]. В рамках же политики «косвенного» управления предполагалось сознательное, целенаправленное воздействие на функциональное содержание традиционных институтов социального управления таким образом, чтобы они могли действовать в направлении достижения задаваемых им целей, т.е. какие-то функции приобретать, какие-то, наоборот, аннулировать [11, p. 142].

И все-таки революционная роль функционализма заключается в том, что ученые, изучая общество, сместили акцент в своей деятельности с исторической перспективы на современность. Кроме того, он коренным образом изменил общественное сознание в западноевропейских государствах. Многие явления, процессы, обычаи и верования начали восприниматься не как «пережитки», «дикость», «бескультурие» и т.д., а как жизнеспособные элементы культуры, имеющие определенные функции. Этот сдвиг в сознании, в свою очередь, воздействовал на общественную практику. Признание традиционных институтов власти в качестве полноправных элементов культуры предполагало и соответствующее отношение к ним со стороны политиков, пытавшихся адаптировать их к своим целям. И, наоборот, отношение к подобным институтам как к «пережиткам», своего рода внесистемным элементам, обреченным на исчезновение, закономерно подводило к мысли о запретительных мерах по отношению к ним, что с точки зрения политиков должно было облегчить протекание естественноисторического процесса.

К примеру, борьба советской власти с традиционными институтами у народов бывшего СССР во многом может быть объяснена командными позициями, которые реально занимал эволюционизм в отечественном обществоведении вплоть до последнего времени, несмотря на критику его марксизмом. Однако эти институты, как показала постсоветская действительность, быстро восстановились в «чистом» виде сразу же после снятия запретов [16].

Развитие теоретической ПА

Концептуально-методологические подходы

Британская антропология, первоначально исповедовавшая функционализм Б. Малиновского и носившая преимущественно прикладной характер, превратилась в академическую дисциплину, основанную на идеях структурного функционализма А.Р. Рэдклифф-Брауна. Именно теоретические постулаты последнего легли в основу классического труда ПА «Африканские политические системы». В отличие от Б. Малиновского, который считал, что функции, выполняемые институтами, обеспечивают интегративность культуры, А. Рэдклифф-Браун ввел теоретическое положение «социального равновесия», которое предполагало наличие в обществе групповых интересов и обусловленных ими социальных конфликтов. Именно разрешение подобных конфликтов обеспечивает стабиль-

ность и функционирование социальной структуры. Здесь подчеркивалась интегрирующая роль символа и религии, а также роль ритуала в консолидации групповых ценностей [17].

Тем не менее, работы, выполненные в рамках функционализма Б. Малиновского и структурного функционализма А.Р. Рэдклифф-Брауна, считаются для ПА классическими, т.к. именно они способствовали появлению данной научной дисциплины.

Середина 50-х гг. ознаменовалась переходом к изучению процессов и отходом от функционализма и структурного функционализма. Это прежде всего относится к исследованиям Э. Лича [18] и М. Глакмана [19]. По М. Глакману, общественное равновесие — результат диалектического процесса, в котором конфликты, характерные для одних видов отношений, абсорбируются и интегрируются другими типами отношений. Например, обвинения в колдовстве консолидируют социум, а апартеид, разделяя радикально белых и черных, консолидирует обе группы. Для него ритуалы, в которых лидеры перевоплощаются в социально низшие существа (когда король в ходе ритуального действия выступает в качестве нищего или ритуальное избиение вождя в случае засухи), — не только средство психологической разгрузки общества (катарсиса), но символическое подтверждение превосходства системы над индивидом, института власти над конкретным правителем.

М. Глакман — создатель манчестерской школы антропологии, которая рассматривала общество не только в структурно-функциональном разрезе, но как процесс и конфликт.

В эти же годы (т.е. с середины 50-х гг.) в работах политических антропологов широкое применение получила веберовская концепция «чистых типов» политической власти. В частности, авторы, работавшие в рамках данной концепции, рассматривали процесс политических изменений в колониальных обществах как прогрессирующую рационализацию традиционной власти. Наиболее последовательно данные концептуальные положения проведены в работе Л. Фоллера [20]. Влияние М. Вебера на ПА сохраняется вплоть до середины 60-х годов. Одним словом, с 50-х гг. начинается сближение ПА с социологией. Сюда же можно отнести и использование концепции «социальной сети», предпринятое Дж. Барнсом на центральноафриканском материале [21].

Приблизительно в это же время В. Тернер [22] провел индивида через серию «социальных драм», раскрыв взаимодействие индивидуальных и коллективных норм и ценностей. В результате поворот М. Глакмана и Э. Лича к изучению процесса и конфликта был дополнен новым элементом — процессом принятия индивидом решения в кризисных ситуациях. Это привело к резкому отрицанию структурного функционализма, что можно сравнить только с кризисом эволюционизма на рубеже веков. Понятия «структура» и «функция» почти полностью вышли из научного лексикона и были замещены такими понятиями, как «процесс», «конфликт», «фракция», «борьба» и т.д. Ж. Буджра справедливо отметил: «Для раннего функционалиста нормальной была посылка, что общество существует в состоянии социального единства (social unity), и конфликт плохо

вписывался в данную теоретическую конструкцию. Современные же исследования политического поведения утверждают, что именно кон-фликт является нормой и гораздо труднее объяснить наличие социального единства» [23, p. 132].

Переход от структурной теории к теории процесса имел объективную корреляцию в распаде колониальной социальной стабильности. «Племена» были включены в более широкий социально-политический контекст. «Примитивная» политика не могла больше рассматриваться изолированно, а понятие «политического поля» сменило более ограниченное понятие «системы». С другой стороны, интенсивное изучение частных ситуаций привело к возникновению концепции «политической арены», где политические лидеры и группы борются за власть и лидерство. В данной теоретической концепции интерес к эволюционной теории представлен весьма незначительно.

С середины 60-х гг. вновь возрастает внимание к изучению эволюционных процессов (неоэволюционизм). Дж. Стюард в 1965 г. разработал концепцию мультилинейной эволюции. Были введены понятия «общей» и «частной» эволюции. Политическая эволюция в этих работах приняла вид классификации политических систем, начиная от локальной группы (band) и заканчивая государством (state) [24].

В американской науке оформилось «энергетическое» направление, представленное прежде всего трудами Р.Н. Адамса. Он рассматривает общественное развитие с позиций соотношения его с основными законами термодинамики, в соответствии с которыми при внешних условиях, препятствующих достижению системой равновесного состояния, стационарное ее состояние соответствует минимальному производству энтропии [25]. Именно с этих позиций он объяснил, к примеру, появление вождества как формы ранней политической организации с достаточно высокой степенью концентрации власти. Более высокая концентрация власти, по его мнению, требует контроля над большим потоком энергии в преобразовании этой энергии. Но простого возрастания потока недостаточно: требуются «автокатализаторы», которые обеспечили бы сохранение этой энергии именно в данных немногих руках. И такими катализаторами оказываются передача богатства по наследству, наследование по крови, сакрализация правителя, символическая стратификация и т.п. Причем все эти явления возникали и вступали в действие непременно до того, как могло появиться вождество. К тому же вполне возможно, что время от времени вождество «изобретали» заново и с разными «автокатализаторами».

Если в 1940-х гг. становление ПА происходило преимущественно на основе исследования африканских обществ, представленного работами М. Смита, Дж. Барнса, Л. Мэир, М. Глакмана, Э. Саутхолла и Л. Фоллерса и других, то со второй половины 50-х гг. произошло резкое расширение географического ареала: Южная Азия (народы полуострова Индостан), Океания, Латинская Америка.

ПА во Франции возникает позже, чем в Англии. Французскую ПА от британской отличает, во-первых, историзм, а во-вторых — тесная взаимосвязь с социально-экономическими отношениями. Наиболее заметными стали работы Ж. Макэ, Ж. Ломбарда и др. Ж. Баландьё первый во французской ПА поставил проблему адаптации традиционных институтов к современным условиям, причем как проблему не только практическую, но и теоретическую [26]. В англоязычной литературе эти вопросы были включены в арсенал ПА позже [27, p. 861–881].

Развитие политико-антропологических исследований в США шло уже

от социологии к антропологии. В частности, нашло широкое применение понятие «политическое поле». Здесь внимание исследователей обращено не столько на структуры и институты, связанные с осуществлением власти, сколько на цели, формы и процессы политической деятельности [28]. Американские политико-антропологические труды имеют теснейшую связь с политологией.

Понятия и категории ПА

Сейчас ПА преимущественно заимствует понятийно-категориальный аппарат из политологии. Ключевым является понятие власти, широко используются веберовские понятия «традиционной», «харизматической» и «рационально-правовой» власти.

С середины 60-х гг. под влиянием бурно развивавшейся кибернетики и общей теории систем в политологию и в ПА быстро проникают понятия, характерные для этих наук, а именно: «информация», «прямая связь», «обратная связь», «каналы связи», «управленческое решение» и т.п. Под влиянием подобных идей нередко разделяются понятия «власти» и «управления».

Если под властью понимают способность заставить индивида или группы выполнять те или иные предварительно принятые решения, то управление касается непосредственно самой реализации целей, т.е. направлено прежде всего на процесс, точнее на то, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия его протекания и эффективность. Здесь основное внимание уделяется промежуточным стадиям реализации управленческих решений.

Сосредоточение внимания на рассмотрении политического процесса изначально характерно для ПА США. В. Тернер, М.-Л. Шварц, А. Туден определили в 1966 г. цель ПА как «изучение отношений между лицами и группами, образующими “политическое поле”» [28]. При этом подчеркивалось, что имеются в виду прежде всего процессы, а поэтому «важнее сосредоточить внимание именно на этих процессах, нежели на тех группах или полях, в рамках которых они протекают» [28, р. 4, 7, 8].

«Поле», по мнению авторов, определяется границами участвующих в политическом процессе, оно может расширяться или сужаться, захватывая или исключая те или иные группы.

Политический процесс характеризуется двумя качествами: 1. Публичностью, под которой понимается деятельность, воздействующая на соседей, общину, общество или сообщество. 2. Целеполаганием, наличие которого определяется намерением изменить отношения с другими коллективами (завоевание независимости, начало войны или заключение мира, изменение отношения людей к окружающей среде, например, в результате строительства ирригационных каналов и т.д.).

Важнейшим условием процесса, определяемого как политический, является, по их мнению, наличие *дефицита* благ (ресурсов). При этом процесс направлен на распределение этих ресурсов при согласии членов общества. Если принятое соглашение или решение имело последствия для общества в целом, оно носит политический характер, хотя изначально это могло и не предусматриваться.

В отечественной и, прежде всего, советской политико-антропологической (этнографической) литературе понятие «политическое» зак-

реплялось за властно-управленческими отношениями, содержание которых носит классовый характер (в марксистском понимании класса). Иными словами, политические отношения возникают исключительно с рождением государства как института, обеспечивающего эксплуатацию одного класса другим. Поэтому все властно-управленческие отношения, характерные для доклассовой стадии их эволюции, стали определяться понятием «потестарные». Оно и сегодня имеет достаточно широкое использование в отечественной литературе.

Предметная область исследования ПА
Изучение властно-управленческих структур
в традиционных обществах

Интерес современной западной ПА обращен, во-первых, на традиционные отношения власти, ее институты и системы: их задачи, формирование, структуру и функционирование; сравнительный анализ этих отношений, институтов и процессов, — различающихся как территориально и этнически, так и стадияльно, — их классификацию и типологизацию, главным образом, в доиндустриальных обществах. Во-вторых, он направлен на изучение процесса адаптации и/или инкорпорации традиционных структур власти во вновь создаваемые административные и политические институты, прежде всего, развивающихся стран.

Книга «Африканские политические системы» посвящена типологизации африканских традиционных политических систем. В частности, были выделены два типа: примитивные государства (*primitive states*) и безгосударственные общества (*stateless societies*). В первых наличествовала управленческая иерархия во главе с верховным вождем, во вторых она отсутствовала, и принятие управленческих решений на низших уровнях осуществлялось в семье с билатеральным счетом родства, а на верхних — в корпоративных группах с унилинейным счетом родства.

Политические антропологи раннего периода сосредоточивали свое внимание на структурно-функциональных аспектах изучения традиционных систем управления, а поэтому аспект эволюционный, с которым прежде всего связывается проблема возникновения государства, их попросту не волновал. Более того, как уже отмечалось, они резко отрицательно относились к эволюционизму, разновидностью которого считали марксизм и который, как известно, проблему возникновения государства выделял в качестве одной из самых принципиальных.

Против использования понятия государства выступал Рэдклифф-Браун, считавший его «фикцией философов» и отдававший предпочтение понятию «политическая организация, являющаяся частью общей организации общества и связанная с контролем и регулированием применения физической силы» [32, р. XXIII].

Типология М. Фортеса и Е. Эванс-Притчарда, разделившая политические системы на «государственные» и «безгосударственные» по признаку отсутствия или наличия «централизованной» власти, отождествляла «государственность» с более сложной степенью организации политической системы, но не включала в себя признака эксплуатации.

Одним словом, развитие государственных начал рассматривается в

рамках классической ПА как плоскостное, а не эволюционное развертывание политической системы.

В 1953 г. Э. Саутхолл предложил выделить группу «сегментных» государств со следующими признаками: 1. Размытость границ. 2. Убывание эффективности верховной власти от центра к окраинам. 3. Наличие периферийных структур с собственными органами управления, зависящими от верховной власти [29].

Ян Вансина предложил свою типологию. Он положил в основу два критерия: степень централизации контроля и нормы наследования власти. Вансина рассматривает в качестве государства любую общность, которая управляется главой не непосредственно, а по принципу наделения всей полнотой власти лиц, правящих территориальными единицами, на которые поделена страна (делегирование власти) [30].

В 60-е гг. была разработана политико-антропологическая модель М. Фрида, которая рассматривает эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества как последовательные ступени, предшествующие государственной организации [31].

В настоящее время проблема государства нередко связывается с процессом социального расслоения общества: «Раннее государство — это организация для управления социальными отношениями в обществе, которая подразделяется на два возникающих социальных класса правителей и управляемых» [32, р. 21].

Г. Классен выделяет следующие три основных типа раннего государства: *зарождающееся, типичное и переходное к зрелому*. Для *зарождающегося* государства типично доминирование родственных, семейных и общинных связей в сфере политики, слабые формы налога, социальный контраст в нем сглаживается соблюдением управляемыми и правителями взаимных обязательств по отношению друг к другу и прямыми контрактами между ними. *Типичное* раннее государство — государство, где родственные связи уравниваются локальными, где соперничество и назначение уравниваются принципами наследования, где неродня, чиновники и носители титула играют ведущую роль в правящей администрации и где распределение и взаимность доминирует над отношениями между социальными стратами. *Переходный тип к зрелому государству* характеризуется, с его точки зрения, назначением администрации, а родство влияет лишь на отдельные аспекты в правлении. Здесь зародилась частная собственность, рыночная экономика, начали формироваться антагонистические классы [32, р. 589]. Г. Классен дает и определение раннему государству: «Раннее государство — это централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в комплексном, стратифицированном обществе, разделенном, по меньшей мере, на две основные страты, или возникающие социальные страты, т.е. правителей и управляемых, чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и данническими отношениями последних, узаконенными в общей идеологии, в которой взаимность составляет основной принцип» [32, р. 640].

Проблема взаимодействия традиционных властно-управленческих структур с политико-административными структурами современного типа

Эта сфера интереса ПА также определилась в процессе колониальной практики. Эмпирическим путем европейцы приходили к выводу о невозможности управления «туземцами» без использования в колониальных административно-управленческих структурах традиционных элементов. К примеру, когда при создании колониально-административных органов они не включали в них традиционных вождей, эффективность управления резко снижалась. Нередко имели место случаи «гражданских войн» между ставленниками европейцев и законными претендентами на власть, имеющими на это традиционное право.

Поэтому колонизаторы стремились, с одной стороны, сохранить традиционные элементы в создаваемых ими управленческих структурах, с другой, — внедрить в них новые элементы. В частности, была организована подготовка и обучение традиционных руководителей, направленная на овладение ими необходимыми навыками и умениями, а также на воспитание у них соответствующей шкалы ценностей. Предполагалось «не только дать им образование, но и воспитать у них правила гражданского поведения и выработать концепцию обязательств перед обществом» [33, р. 463].

Под влиянием требований политики английские чиновники не должны были подрывать авторитет местных лидеров, а наоборот, укреплять его. Если, к примеру, «туземец» нарушал нормы, установленные колониальной администрацией, его наказывали не за это, а за невыполнение распоряжения вождя или деревенского старосты.

В результате этой политики, особенно на первых порах, порядок и дисциплина среди управляемых были значительно упрочены. Однако, в конечном счете, созданные европейцами структуры деградировали. Почему?

Прежде всего, наделение традиционных лидеров новыми функциями коренным образом преобразило структуру управленческого процесса, характерного для доколониальных обществ. В частности, теперь смещение и назначение вождя на должность из числа традиционных претендентов (эти претенденты устанавливались во многом благодаря научным усилиям антропологов) стали осуществляться администрацией. Это освободило его от жесткого контроля, который традиционное общество осуществляло за его деятельностью в доколониальный период. Поэтому вожди перестали удостаивать своим посещением племенные собрания, на которых раньше они обнародовали свои указы. В результате они перестали служить эффективным источником передачи информации из центра управления к элементам колониальной системы, что предусматривалось схемой. Администрация также не смогла эффективно контролировать деятельность вождей сверху. Поэтому вожди стали активно злоупотреблять своим положением как с точки зрения традиционных ценностей, так и с точки зрения новых.

Вожди не смогли служить и каналом обратной связи, что также предусматривала внедряемая схема. Во-первых, оторвавшись от своего народа, «традиционные» вожди сами в полном объеме не владели информацией, т.е. не знали всех проблем, которые возникали в «гуще народных масс» в связи с введением европейцами инноваций в их жизненный уклад. Во-вторых, вожди не были заинтересованы в поступлении отрицательной информации в вышестоящие колониальные инстанции, т.к. это грозило им смещением с занимаемой должности, а значит, лишением денежных средств, которые они получали от администрации за службу. Это в значительной степени стало определять стиль жизни «туземных властей», с которым они не спешили расставаться. Введение в 1930-е гг. института государственных антропологов призвано было в какой-то мере решить именно вопрос обратных связей в колониальном управлении. Ученые обязаны были информировать власти о последствиях, вызванных в обществе их решениями. Однако и эта цель, как показала практика, не была достигнута. Интересно, что национально-освободительное движение в бывших британских колониях изначально было направлено именно против «традиционных» вождей.

Фактом остается и то, что после достижения независимости и по сей день традиционные лидеры, даже там, где этот институт был директивно отменен, продолжают играть значительную роль в политических процессах государств Тропической Африки. Одним словом, население выступало не против идеи вождя, включавшей наряду с исполнением светских также сакральные функции, а против конкретных персон, нарушавших, как люди считали, свои традиционные обязанности.

Не только традиционные политические институты изменялись под воздействием колониальной практики управления. Внедряемые европейцами административно-управленческие структуры, создававшиеся в рамках западной ПК, также существенно отклонялись от заданного эталона под воздействием традиционных политических культур (ТПК). В частности, чтобы эффективно управлять «туземцами», европейским чиновникам приходилось выходить за рамки предписанных им должностных функций, ориентируясь при этом на традиционные нормы взаимоотношений. Например, они активно использовали неформальные и дружеские связи с местными лидерами, без чего им было бы просто невозможно провести в жизнь свои решения.

ПА в изучении развивающихся стран

С крахом колониализма проблема взаимодействия государственных политико-административных систем с традиционными управленческими структурами не потеряла своей актуальности. Новым национальным политическим элитам, выбравшим в качестве эталона западные политико-административные модели, с первых шагов пришлось так или иначе решать проблему традиционных властей. И сегодня в этих государствах традиционные лидеры представлены практически на всех этажах государственной иерархии, причем, вне зависимости от официального признания или непризнания их верховной властью.

ПА в этих условиях естественным образом перенесла свой интерес на исследование изменений, происходящих в традиционных системах власти под влиянием политики собственных политических элит. В то же время изучением политических отношений на уровне государства и внешнеполитических вопросов стала заниматься политология. Подобное «разделение труда» зачастую не способствует адекватному пониманию поли-

тических событий и процессов, происходящих в данных сообществах. Например, нередко политологи отождествляют современного африканского президента с традиционным вождем. Действительно, материалы по современной Тропической Африке убеждают в том, что современный верховный правитель в государствах этого континента многое унаследовал от вождя, т.к. помимо управленческих функций всегда обладает и магическим авторитетом. Однако такое отождествление, конечно, неправомерно, т.к. содержание процесса управления, в котором участвует глава африканского государства, коренным образом отличается от аналогичного процесса в племени.

Одним словом, для понимания политических процессов в развивающихся странах необходимы знания по ТПК народов данных государств, которая является исконным объектом исследования ПА. ТПК глубоко отлична от ПК элит, определяемой преимущественно западными политико-культурными ценностями. Очень часто современный по форме политический конфликт, например, между различными политическими партиями и движениями, имеет «традиционное» содержание, т.е. в его основании лежит межплеменная вражда, имеющая достаточно древние корни. Членство в таких партиях определяется не приверженностью партийцев каким-либо идеологическим постулатам, а принадлежностью к той или иной социально-родственной группе (линиджу, клану, племени). Имеет место и обратное явление, а именно: современный по своему содержанию конфликт может выступать в традиционной форме, т.е. различные группы интересов могут прибегать к традиционным идеологиям для привлечения сторонников из числа традиционно ориентированных людей. В результате подобный конфликт может приобретать форму традиционной вражды племен, кланов или этносов, хотя в действительности он основан на различных интересах определенных групп людей.

Перспективы ПА в изучении индустриальных (постиндустриальных) обществ

Современная западная ПА сосредоточивает основное внимание на изучении развивающихся обществ. Действительно, если иметь в виду историю становления данной научной дисциплины, то именно там она сохраняет свой объект исследования в виде относительно автономных или в той или иной степени модернизированных традиционных систем власти. Принято считать, что по мере политогенеза исчезает и объект исследования ПА, т.к. ПК «вследствие своей специализации утрачивает этнически специфические черты в пользу общеклассовых характеристик» [34, с. 25]. Подобное мнение, с нашей точки зрения, существенно ограничивает потенциальные возможности данной отрасли научного знания. В основании подобного вывода лежит постулат о том, что в индустриальных обществах политический процесс регламентируется правовыми установлениями, которые детерминированы глубинными социально-экономическими причинами. Последние же во многом тождественны в данных социумах, что обуславливает и тождественность содержания в них политического процесса, выражающегося в форме рационально-правовой политической культуры (РПК), на которую культурные особенности не оказывают существенного влияния.

На наш взгляд, такая точка зрения ошибочна. Она основана на определенном философском понимании культурного прогресса, в соответствии

с которым старые формы жизнедеятельности по мере его осуществления исчезают, уступая место новым формам, что не соответствует истине.

В последнее время появились работы, которые, как нам представляется, формируют *антропологический взгляд* на современную политику. Посвятив немало времени изучению первобытности и взглянув на свои развитые общества, антропологи увидели в них много схожего, в том числе и в политической области. Показательно в этом смысле исследование, проведенное американским антропологом Дж. Везерфордом. В своей работе «Племена на холме» он показал, что архаические модели поведения активно регулируют отношения между людьми в том числе в сфере современной политики. Он, в частности, исследовал методом включенного наблюдения конгресс США, работая там в качестве мелкого клерка. В результате автор выявил пласт неформальных отношений между конгрессменами, воспроизводящих подобные поведенческие модели. Так отношения «старых» и «молодых», т.е. вновь избранных конгрессменов характеризуются своего рода дискриминацией последних. Им отводятся менее удобные служебные помещения, «старички» постоянно стремятся унижить «молодых», нарочито путая, например, их имена при обращении и т.д. Иными словами, он обнаружил неформальную иерархию, основанную на возрастном (т.е. социально-возрастном) принципе, которая очень напоминает систему возрастных классов, характерную для архаических обществ. Автор также приводит довольно обширный список кровнородственных кланов, члены которых постоянно избираются в конгресс, фиксируя, таким образом присутствие другого архаического принципа: передачу власти в соответствии с кровным родством и т.д. [35].

Если Везерфорд увидел «племена» на Капитолийском холме, то наш соотечественник Л. Самойлов усмотрел аналогичный феномен в тюремной субкультуре. «Я увидел, — пишет он, — и опознал в лагерной жизни целый ряд экзотических явлений, которые до того много лет изучал профессионально — явлений, характеризующих первобытное общество!» [36, с. 162].

Итак, наблюдения антропологов дают все основания заключить, что современное индустриальное общество сохраняет типы отношений, характерные для начальных этапов социогенеза. Можно предполагать, что некогда возникнув, подобные отношения вовсе не исчезли по мере исторического прогресса, они стали лишь менее заметными на фоне значительно возросшего объема новой информации. Но они же, похоже, в определенных областях человеческих взаимодействий или в определенных режимах функционирования всего общественного организма могут актуализироваться, т.е. выходить на первый план, оттесняя более современные типы отношений.

Подобная картина отчетливо наблюдается во время нарастания в социуме дезинтеграционных процессов, сопровождаемых «архаизацией» общественной жизни. С таким явлением мы столкнулись совсем недавно, наблюдая бум различного рода колдунов, целителей, пророков, знахарей. А «программы» наших политических лидеров изобиловали обещаниями совершения «чудес» (за 500 дней создать рыночную экономику, за 24 часа покончить с преступностью и т.д.).

Тоталитарные режимы, в свою очередь, актуализируют архаические формы организации власти (ее сакрализация, гипертрофия роли политических символов и ритуалов, которым приписываются магические функции и т.д.) Эти же модели составляют пласт неформальных норм, действующих среди членов политических институтов и организаций. Здесь в основе неформальной властной иерархии лежат пол, возраст и

родство, а пищевые, сексуальные, вербальные и т.д. табуации разграничивают поведение управляющих и управляемых.

Архаические модели властного поведения обширно представлены на «периферии» индустриального (постиндустриального) общества: в крестьянской среде, где динамика социально-экономических процессов ниже, чем в городе, в субкультурах, которые в определенном смысле представляют собой «социальные изоляты», самоорганизующиеся, по всей видимости, в соответствии с универсальными законами социальной самоорганизации, которые некогда привели к возникновению социальности как таковой в малых группах (семье).

Хиппи рисуют генеалогические схемы, определяя свой статус в иерархической системе. Девушка, впервые приведшая парня на тусовку, становится его «матерью», а значит, половые отношения с «сыном» для нее — табу. «Салага» независимо от своего возраста не может стать «дедом» в рамках нашей армейской системы неуставных отношений, если он не пройдет соответствующего «ритуала перехода», т.е. так называемой «присяги». Отец в семье есть отец, сиблинг есть сиблинг, несмотря на возраст последнего и его социальный статус за пределами семьи. Реальная власть чиновника будет гораздо выше той, которая предписана занимаемому им социальному статусу, если известно, что он состоит в родственных или дружеских отношениях с высокопоставленной персоной, и т.д.

Подобные принципы организации властной иерархии не только продолжают регламентировать поведение современных политиков, но и оказывают существенное влияние на политический процесс. Наиболее свежие примеры — это сексуальное поведение президента США и генерального прокурора России. Похоже, что подобные факты могут оказывать воздействие и на мировой политический процесс. Во всяком случае, по мнению многих политологов, военная активность США в Ираке или на Балканах обусловлена стремлением исполнительной власти США отвлечь внимание управляемых от известного сексуального скандала, связанного с именем ее лидера.

Анализ же советской и постсоветской политической жизни также отчетливо свидетельствует о том, что архаические принципы организации властных отношений во многом определяли и продолжают определять нашу ПК [37; 38; 39].

Представляется, что объектом изучения ПА является ТПК общества. Ее содержание — естественно возникшие формы властно-управленческих отношений, передаваемые из поколения в поколение посредством традиции. ТПК является всеобъемлющим регулятором общественных отношений в традиционных обществах, однако, по мере политогенеза, политический процесс постепенно обретает рационально-бюрократическую форму, оттесняя на периферию неполитические виды властно-управленческих отношений. В известном смысле ТПК является оппозитом РПК, в которой политический процесс выступает в рационально-бюрократическом виде, его субъектами являются специализированные органы, институты, организации, целью деятельности которых является достижение или осуществление политической власти. РПК достигла своего расцвета в индустриальных (постиндустриальных) обществах.

ТПК может исследоваться ПА в индустриальном обществе в следующих аспектах. Во-первых, с точки зрения анализа механизмов воспроизводства элементов ТПК в ПК того или иного социума. В современном обществе они могут либо сознательно куль-

тивироваться или воспроизводиться в поведении людей бессознательно в соответствии с формулой «потому что так принято». Ярким примером первого случая является Япония, в которой возрастной принцип, определявший социально-политическую иерархию еще на самых ранних стадиях социогенеза, пронизывает все современное общество. Отношения «старший-младший», при которых первый занимает доминирующее положение, определяет иерархический рост индивида во всех сферах деятельности, получая при этом рационально-правовое закрепление. Причем эта традиция поддерживается государством вполне сознательно. В частности, получили распространение реабилитационные школы, в которых граждане и прежде всего молодежь после длительного пребывания за границей вынуждена «восстанавливать» утраченные культурные навыки.

В России же в последнее время наблюдаются попытки искусственной реанимации языческих культов и традиций в рамках некоторых националистических партий и движений.

В то же время Россия является ярчайшим примером бессознательно-го воспроизводства элементов ТПК. О сохранности в нашей поведенческой культуре архаических моделей писал В. Тихомиров в начале нынешнего столетия: «В действительности, однако, общий тип современной русской национальности, в психологическом смысле, несомненно, остался тот же, как и был в Московской Руси. Сравнение исторически известных личностей и деятелей, сравнение песен, пословиц и т.д. несомненно убеждает, что в общем русский народ XX века в высшей степени сходен с народом XVII века. Едва ли французы или англичане, за те же 200 лет, представляют больше сходства между предками и потомками, чем русские, несмотря на то, что эти нации этнографически почти не изменялись, а русские непрерывно впитывали огромные потоки чужеродных элементов» [40, с. 304].

Действительно, мы с легкостью коренным образом меняем нашу РПК, однако, при всех формах правления и политических режимах в России наблюдается весьма схожая организация властных отношений. Например, «помазанник божий» при монархии, «генеральный секретарь» при социализме и «президент» при демократии являют собой много тождественного, а отношение к власти управляемых во все времена основывается на иррациональных мотивациях [37; 38; 39].

ТПК может исследоваться ПА и с точки зрения определения культурной (этнонациональной) специфики современного политического процесса. ТПК и РПК находятся в тесном взаимодействии, формируя ПК общества. ПК общества соотносится прежде всего с понятием формы политического процесса, которая может существенно воздействовать и на его содержание. Выше, например, мы говорили о том, каким образом различные формы организации власти во Франции и Англии повлияли на выбор колониальной политики этими государствами.

Но ПК не сводится к РПК, так как помимо официально исповедуемой идеологии, политических институтов, деятельность которых регламентирована политико-правовыми документами и т.д., реальный политический процесс определяется и культурными факторами, важнейшей составляющей которых являются традиции (ТПК).

Если РПК преимущественно характеризует поведение политических элит, то ТПК в большей степени проявляется в поведении управляемых (народа). Поэтому антрополог прежде всего изучает властные отношения на низших уровнях общественно-политической иерархии: в семье, половозрастной сфере, во взаимодействии педагога и учащихся, лидера и аутсайдеров в различного рода неформальных группах. Помимо собственных наблюдений, он активно использует в качестве источника этнографические исследования, фольклор, слухи, анекдоты и т.п., в которых содержится информация об идейно-психологических представлениях данной этнической общности о власти и властных отношениях.

ТПК всегда этнична, т.к. передается от поколению к поколению преимущественно бессознательно, посредством подражания. В результате в ней удерживается культурное (языковое, символическое и т.д.) своеобразие властно-управленческих отношений в конкретном социуме. ТПК не может не оказывать влияния на РПК, так как в последней действуют люди, являющиеся в той или иной степени носителями ТПК.

ПК общества, которая складывается из ТПК и РПК, оказывает решающее воздействие на формирование политического режима. Если форма правления является сегодня составной частью РПК, то реальное распределение властных полномочий между элементами политической системы, методы навязывания властной воли, поведение субъектов властных отношений, т.е. все, что в политологии понимается под политическим режимом, во многом детерминируется ТПК.

Поэтому при идентичных формах правления мы можем сталкиваться с различными политическими режимами. Еще Аристотель писал: «Не следует забывать, что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих обычаев и всего уклада жизни; точно так же в других государствах бывает обратное явление; по законам строй скорее демократический, но по укладу жизни и господствующим традициям скорее олигархический» [41, с. 498].

Несоответствие между ТПК и РПК может приводить к конфликту двух культур, в результате разрешения которого происходит их сближение.

Например, введение в современной России демократической ПК при отсутствии в ТПК народов, населяющих государство, представления о принципах разделения властей привела в конечном итоге к ожесточенной борьбе между законодательной и исполнительной ветвями власти за ее монопольное осуществление. Драматический исход этой борьбы мы наблюдали в 1993 г. Итогом этого конфликта было принятие новой конституции, по которой властные полномочия были существенно пересмотрены в пользу исполнительной власти, что в большей мере соответствует нашей ТПК.

Менее значительные несоответствия между ТПК и РПК могут и не приводить к конфликту. В подобных случаях элементы этих культур сосуществуют относительно автономно друг от друга. Например, по японской конституции 1948 г., старший брат в семье был лишен всех преимуществ, в том числе в наследовании имущества. Однако в реальности они

сохраняются, а обращения граждан в суд чрезвычайно редки. В то же время в не столь традиционно ориентированных слоях японского общества конституционные нормы могут соблюдаться. Такое положение старшего брата в ТПК гипотетически может воздействовать на формально-политический процесс. Для антрополога в данном случае было бы интересно посмотреть, действуют ли эти родственно-возрастные отношения в политической сфере, например, если братья являются членами одной партии и т.п.

Наиболее эффективным методом исследования для политического антрополога и здесь остается включенное наблюдение. Во-первых, многие сообщества являются достаточно закрытыми для «чужаков», что в известном смысле роднит их с «примитивными» обществами. Это, в первую очередь, относится к субкультурам (криминальной, армейской и т.д.).

Во-вторых, поведенческие модели властных отношений, характерные для народной культуры, возникают естественным образом, т.е. без участия сознания, а поэтому могут не рефлексироваться самими носителями культуры, а их рациональные объяснения — не соответствовать закодированному в ТПК смыслу. К примеру, Б. Ельцин объяснял запрет членам политбюро КПСС употреблять в пищу продукты, купленные на рынке, т.к. они могут быть отравлены, при дозволении делать это ближайшим членам семьи, присущим коммунистической власти цинизму [42, с. 118]. В то же время, антрополог видит здесь характерное для большинства ТПК явление, связанное с табуацией пищевого поведения лидера, истинный смысл которого заключается в организации психологии властных отношений [38].

В-третьих, зачастую ТПК негативно оценивается РПК, а поэтому носители первой не спешат дать адекватную информацию исследователю. Например, вряд ли Дж. Везерфорду удалось бы получить обнаруженные им модели в поведении конгрессменов, если бы он использовал только классические социологические методы: анкетирование, интервьюирование и т.д. Вряд ли и российские чиновники раскроют для ученого механизмы, регулирующие их неформальную деятельность.

Антрополог может использовать и другие источники для получения фактической информации. В частности, исследования своих коллег. Именно так работали в большинстве случаев советские этнографы-зарубежники, не имея объективных возможностей для проведения полевых исследований. Однако речь, конечно, не идет о компиляциях, а скорее о «допросе» источников. Это предполагает сравнительный анализ работ нескольких коллег по одной и той же ПК, дополненный разнообразными сведениями, так или иначе несущими информацию ТПК того или иного этноса и исходящими от не профессионалов-ученых, а самых различных лиц: торговцев, путешественников, чиновников, журналистов или просто любознательных людей, описавших свои впечатления о чуждой им культуре. Последние источники имеют свой плюс, т.к. профессионалы «едут в поле», как правило, с готовой теоретической концепцией (гипотезой), что во многом определяет отбор фиксируемых ими фактов. Поэтому они часто видят то, что хотят увидеть. Важными источниками для антрополога могут служить пресса, произведения искусства, художественная лите-

ратура, которые позволяют исследователю достаточно глубоко «погрузиться» в интересующую его культуру без непосредственного соприкосновения с ее носителями.

Изучение ТПК любого современного общества невозможно вне исторического подхода. Фиксация традиционных для общества моделей властно-управленческих отношений возможна лишь при том условии, что антропологу известно, что эти отношения существовали в исторической перспективе, зачастую до возникновения РПК. Главным источником для получения подобного рода информации являются археологические и этноисторические данные, фольклор и т.п.

Важную роль в политико-антропологических исследованиях современности играет историко-психологический метод. Поведенческие нормы, характерные для ТПК, связаны преимущественно с иррациональными пластами психики человека, которые определяли поведенческое нормообразование на ранних стадиях социогенеза. С развитием общественной формации изменяется и мышление человека в сторону большей рационализации, изменяется, соответственно, и политическая психология.

В то же время эволюция человеческой психики предполагает и удержание в ней ее архаических пластов, которые обуславливают воспроизводство традиционных стереотипов политического поведения, основанных на соответствующих (иррациональных) представлениях о власти. Л.С. Выготский утверждал, что понять поведение можно только как историю поведения. Это относится и к политическому поведению представителей современных индустриальных или постиндустриальных обществ, которое включает в себя элементы, характерные для ранних стадий их эволюции. По мнению ученого «эти приемы или способы поведения, стереотипно возникающие в определенных ситуациях, представляют как бы отвердевшие, окаменевшие, кристаллизовавшиеся психологические формы, возникшие в отдаленнейшие времена на самых примитивных ступенях культурного развития человека и удивительным образом сохранившиеся в виде исторического пережитка в окаменелом и вместе с тем живом состоянии в поведении современного человека». Он считал, что необходимо в этих «ничтожных мелочах — этих отбросах из мира явлений... видеть часто важные психологические документы» [43, с. 58].

Представляется, что выявление и фиксация подобных «документов», а также определение роли, которую они играют в современном политическом контексте, служат важной историкоэтической базой для политического антрополога. Следует иметь в виду, что психологический прогресс в обществе осуществляется неравномерно, а поэтому наиболее «густо» подобные «документы» всегда представлены в поведении менее образованных слоев населения, политическое поведение которых детерминруется не политико-правовыми законодательными актами, а традиционными нормами.

Сравнительный анализ различных ТПК обеспечивает выявление их универсальных свойств, а также закономерностей их функционирования в условиях главенствующей роли РПК. Например, сравнительный анализ различных ТПК показывает, что любая ТПК рассматривает вождя с признаками возрастной физической деградации как нелегитимного. Это может служить ключом к пониманию нашей ПК советского времени, когда информация о здоровье высших должностных лиц была строго табуирована, а на портретах они изображались мужчинами «в расцвете сил», хотя в реальности многие из них демонстрировали признаки явной возрастной деградации. Да и тот ажиотаж, который недавно имел место в

связи со здоровьем Б. Ельцина, скорее всего, обусловлен этими же причинами.

ПА в России: прошлое и настоящее

Вся история Российского государства теснейшим образом связана с колонизацией народов, населявших огромные евразийские территории. И здесь проблемы управления инородцами естественно вставали перед центральной властью. Российская колониальная практика также содержала элементы, на которых впоследствии была построена англичанами политика «косвенного» управления. Например, в XVII–XIX вв. управление Сибирскими территориями осуществлялось через систему воевод, которые опирались на местных старейшин и вождей. В функции старейшин входило выполнение судебных, полицейских и фискальных функций, а также получение дани — «ясака», главным образом, в виде пушнины.

Однако колониальный процесс в России почти не находил отражения в научно-теоретическом сознании, что отличает его коренным образом от «западного» варианта. Если англичане при проведении колониальной политики активно привлекали ученых-антропологов, то в России этим всегда занималось исключительно чиновничество. Более того, в отличие от Запада, где роль науки в колониальном процессе была осознана и государством, и обществом, а ученые, принимавшие в нем непосредственное участие, стали впоследствии создателями крупнейших научных школ в антропологии, то в России крупнейшие антропологи (этнографы), как правило, являлись политическими оппонентами правящей власти. А крупнейшие наши этнографы, такие, как В.Г. Богораз или В.Я. Штернберг, создавали свои труды в политической ссылке.

Советская этнография в известный период выполняла прежде всего идеологическую функцию, демонстрируя «достижения слаборазвитых народов на пути строительства социализма», взаимопроникновение «братских» культур, формирование новой исторической общности «советского народа» и т.д.

Причины того, что наш колониальный опыт не способствовал становлению науки, объясняется тем, что научно-теоретическая компонента никогда не занимала значительного места в структуре нашего общественно-го сознания. Вся история политической мысли в России — это в лучшем случае яркая публицистика. Причины подобного положения дел кроются в особенности нашей ПК, в которой власть всегда в высшей мере сакрализована. Последнее в принципе исключает научно-теоретическое исследование политической сферы, так как неизбежно подрывает легитимность системы власти, покоящейся на иррациональных основаниях.

Управление как самостоятельный вид человеческой деятельности также не было объектом научного анализа, вследствие, по-видимому, слабого развития рыночных отношений. Поэтому в российском варианте колонизации отнюдь не доминировали экономические мотивы. Здесь мотивации носили преимущественно иррациональный характер и выражались понятиями «могущество и величие державы», «обширность ее территории» и т.п.

Именно поэтому и «советская империя» имела уникальный характер

(по сравнению с колониями западных государств) в том смысле, что политика по отношению к «колониям» зачастую проводилась в ущерб экономическим интересам населения «метрополии». По сути дела и сегодня для политиков, выступающих за «единую и неделимую Россию», экономическая целесообразность имеет далеко не первостепенное значение. Вот почему в отечественной этнографической литературе практически отсутствовали работы, специально посвященные организации власти, во всяком случае, на материалах народов, населявших Россию (бывший СССР).

Некоторым исключением являются малочисленные работы, выполненные на зарубежных материалах. Главной научной целью этих работ было подтвердить правильность марксистской точки зрения на проблему возникновения государства, появляющегося в исторической перспективе вместе с частной собственностью и стоящего на страже интересов класса эксплуататоров.

Таким образом, политико-антропологические работы появились не вследствие объективной потребности, которая вроде бы здесь также должна была иметь место, исходя из богатого колониального опыта, а под влиянием западных исследований. При этом главный пафос данных работ заключался в критике «буржуазных» теорий возникновения государства. Опираясь на марксистское понимание государства, советские ученые доказывали, к примеру, что традиционные системы власти в том или ином социуме, которые какой-либо западный исследователь считал государством, таковыми не являлись по причине отсутствия в этом социуме антагонистических классов в их марксистском понимании. Полемика с «буржуазными» учеными носила, по существу, односторонний характер, так как последние исходили из собственного понимания государства, которое, естественно, в абсолютном большинстве случаев не совпадало с марксистским [44].

Впервые наиболее системно взгляды и научные подходы ПА были проанализированы Л.Е. Куббелем [34]. В основу его анализа была положена работа Ж. Баландье, выполненная на африканских материалах. Фактически Л.Е. Куббель попытался поставить «буржуазную политическую антропологию на марксистские рельсы». Отсюда стремление уйти от самого названия «политическая антропология», заменив его «постестарно-политической этнографией», так как в марксистском понимании категория «политическое» соотносится только с классовыми обществами, в то время как общества, рассматриваемые Ж. Баландье, этому критерию не соответствовали [26]. Работа Л.Е. Куббеля, тем не менее, имела важное значение, поскольку он единственно возможным для того времени способом ввел политико-антропологическую проблематику в отечественную научную жизнь.

Что же касается другой проблемы, характерной для западной ПА, а именно адаптации традиционных институтов власти к современным политико-административным структурам, то она разрешалась в аналогичном ключе. Этот процесс рассматривался советскими учеными не как культурный процесс, а как исключительно политический. Используя опять же только западные материалы, авторы стремились в конечном итоге продемонстрировать, что созданные колонизаторами «туземные» власти призваны были лишь замаскировать процесс колониальной эксплуатации [45; 46].

Функционирование традиционных властей после достижения колониями независимости, политика по отношению к ним новых элит рассматривались учеными в тесной обусловленности выбором бывшими колониями социально-политической ориентации (социалистической или капиталистической). Попытка рассмотреть колониальный, а затем и независимый периоды в истории африканских государств как

взаимодействие различных ПК, выявить механизмы воспроизводства ТПК в условиях воздействия на нее РПК западного типа была предпринята автором этих строк [10].

Таким образом, если проблематика, входящая в сферу интересов ПА, и рассматривалась в том или ином ключе отечественными учеными, то исключительно на зарубежных материалах.

Что же касается работы советских этнографов, которые имели неплохие условия для полевой работы среди этнических групп, населявших СССР, то эти вопросы практически не затрагивались. Иными словами, проблема изучения бытования ТПК в сфере политики выводилась за рамки научного познания по идеологическим соображениям.

Информация, которая хлынула из республик Советского Союза уже в первые годы «эпохи гласности», и современные данные показывают, что несмотря на все попытки прежней власти унифицировать ПК «советского народа», традиционные этнические ценности этносов продолжали во многом определять политические процессы на местах [16].

Невнимание прежней власти к познанию ТПК подчиненных ей субъектов, а также к изучению функционирования элементов этих культур в системе коммунистической формации существенно снижало ее возможности в поисках оптимальных управленческих решений, которые бы, в конечном итоге, обеспечили ей ее собственное выживание. Неудивительно поэтому, что именно «этнический» фактор во многом определил судьбу бывшей «империи».

Представляется, что пристальное изучение этнической специфики политического процесса, роли и места традиционных институтов «в советской цивилизации» является важной задачей политико-антропологических изысканий.

Не менее актуально изучение процесса адаптации традиционных управленческих структур и к демократической ПК. Новые условия в России вызвали небывалый всплеск этнического самосознания у народов, населяющих ее территорию. В этой ситуации перед центральной властью появились новые проблемы, связанные с управлением этими процессами, реформированием всей общественной жизни. В этой связи, политико-антропологическое изучение общества призвано удовлетворить не только академический интерес, связанный с исследованием механизмов функционирования и воспроизводства этнокультурной информации в новом политическом контексте, но и вполне определенный практический интерес. Иными словами, ПА может быть использована в своей изначальной функции, а именно, в функции прикладной науки, направленной на оптимизацию принимаемых в процессе управленческой деятельности решений.

Представляется, что демократизация российского общества одновременно означает и рационализацию его ПК. Это предполагает, в частности, что научно-теоретические мотивации становятся немаловажным фактором политического поведения субъектов властных отношений. Такое поведение характеризуется в том числе и тем, что процесс принятия управленческого решения осуществляется на основе предварительного научно-теоретического осмысления эмпирических данных,

а также на основе результатов, полученных в ходе эксперимента. Это особенно актуально для современной России, в которой реформы традиционно осуществляются центральной властью. Силовые же методы, которые и сейчас, как мы можем наблюдать, продолжают использоваться при проведении национальной политики, утратили свою эффективность. Яркой иллюстрацией этого тезиса служит политика по отношению к Чечне. Неосведомленность власти о ТПК этого народа, с одной стороны, а также обычная ее приверженность к насилию при проведении этнонациональной политики, с другой, привели к известным итогам.

Изучение советских и постсоветских реалий в плане взаимодействия РПК и ТПК также предполагает использование метода включенного наблюдения как наиболее эффективного, а подчас единственно возможного. Здесь его применение мотивируется дополнительными причинами. Замечено, к примеру, что представители этнических групп из числа интеллигенции и даже профессиональные антропологи зачастую склонны скрывать сведения, характеризующие их ТПК. Причины этого заключаются в следующем.

Во-первых, в из-за отождествления не только в обыденном, но и в научном сознании понятий «общество» и «культура». Предполагается, что общество, наименее продвинутое в социально-экономическом смысле, имеет и более низкий тип культуры. Отсюда и чувство стыда у интеллигенции этих народов за свою культуру.

Вторая причина — укоренившееся чувство страха, который сформировался в ходе репрессивной политики советской власти по отношению к традиционным институтам, отнесенным в 30-е гг. к «классово чуждым элементам» со всеми вытекающими из этого последствиями.

Антропология российской власти

Проблемы, гипотезы и перспективы ПА

Понимание нашей истории, включая историю колониальной политики, место и роль науки в этом процессе, а также современной политической реальности, зависит, в конечном итоге, от понимания логики действий российской государственной власти. Последняя же, как, собственно, любая государственная власть, обязана быть связанной единым культурным кодом с управляемыми, т.е. с народом.

Русские — доминирующая этническая группа в России. Поэтому мы в праве предполагать, что деятельность российской власти не в последнюю очередь определяется ПК русского народа.

Наша ПК так же, как и ПК развивающихся стран имеет два ярко выраженных уровня. Это ПК элит, которая во многом строится на РПК западного типа, и народная ПК, всегда определявшаяся ТПК. Однако Россия вследствие своей географической близости к Европе намного раньше, чем остальные регионы мира, попала под мощное влияние западных политико-культурных ценностей. Поэтому уже в XVII в. здесь сформировалась уникальная социокультурная реальность. Русские ученые конца прошлого—начала нынешнего века постоянно отмечали эту особенность. Н. Бердяев писал, например: «Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в Петровской, императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях,

от XIV до XIX вв. и даже до века грядущего, XXI века» [47, с. 64].

Культурный раскол русского общества породил довольно тонкий слой людей, находящихся постоянно под влиянием западноевропейской культуры, в то время как основная масса населения России продолжала сохранять глубоко архаичные черты своего общественного строя и мировоззрения, идеологических представлений и, наконец, социальной психологии. Крестьянская община, которая на любой стадии эволюции несет в себе мощные пласты архаических отношений, просуществовала у нас вплоть до 20-х годов нынешнего столетия.

Р. Фадеев в 70-х годах прошлого столетия отчетливо различал «два пласта людей..., которые выражают каждый различную эпоху истории: высшее сословие — XIX век, низшее — IX век нашей эры...» [48, с. 64]. В результате «верхи» и «низы» в прямом смысле не понимали друг друга, даже в том случае, если первые изъяснялись на русском, а не на французском, к примеру, языке. Эта ситуация нашла отражение в художественной литературе того времени [49, с. 339].

По мере исторической эволюции России постоянно растет в количественном отношении «культурный слой», чему способствует расширение образовательной сети. Мощный толчок этот процесс получил после реформы 1861 г., когда доступ к высшему образованию для широких слоев населения был существенно облегчен. Страта европейски образованных людей особенно быстро росла в двух российских столицах — Санкт-Петербурге и Москве. В результате к началу нынешнего столетия эти два города по своим культурным характеристикам в целом резко отличались от остальной России, которая продолжала в своей жизнедеятельности исповедывать традиционные идеалы, во многом определяемые общинным мировоззрением. Н. Бердяев писал по этому поводу, что жизнь русской провинции и передовых кругов Петрограда и Москвы принадлежит к различным историческим эпохам [50, с. 71].

Именно в этих городах сосредоточиваются основные массы и так называемой «потомственной интеллигенции» в результате воспроизводства этого слоя. Эта ситуация не изменилась и в советский период. Здесь не только находилось большинство вузов России, но интеллигенция этих регионов имела доступ к западной научной литературе, которой всегда снабжались центральные библиотеки страны. Как показывают современные исследования, культурная дистанция между российскими историческими центрами и остальной Россией сохраняется и по сей день. Известия 12 апреля 1996 г. писали: «Самый репрезентативный опрос общественного мнения — выборы — продемонстрировал, что жители центра и периферии вообще существуют как бы в разных политических измерениях». Как известно, преимущественно в этих городах победили политические силы, ориентирующиеся на стандарты западной демократии.

Этот разрыв между культурами «верхов» и «низов» становится очевидным в моменты политического волеизъявления народа. Если сегодня он особенно четко фиксируется во время выборов, то раньше единственным механизмом такого волеизъявления была «смута». П.Н. Милюков признавался, рассказывая о насильственном роспуске первой Государ-

ственной Думы: «У нас не было языка, которым мы могли бы поднять народ» (цит. по: «Известия», 6 марта 1991).

Немалый интерес в этой связи представляют и воспоминания генерала Деникина, которому «смутные времена» помогли сделать «открытие», что русский народ отнюдь не столь привержен православию, как это было принято считать среди образованных людей. «Я исхожу из того несомненного факта, — пишет Деникин, — что поступающая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно... командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви...». И далее: «Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-ой стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции. Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм — это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для ... Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризировано и молчало. Но почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?» [51, с. 79–80].

Уже эти свидетельства дают пищу к размышлениям об истоках советской идеологии, составной частью которой был воинствующий атеизм. Если мы к этому добавим известное поведение русских царей, таких, например, как Петр I или Иван Грозный, которые прилюдно надругались над православными святынями, то политика советской власти в данной области может иметь иное истолкование, нежели простая демонизация большевиков, как это чаще всего делается.

В этой же связи вполне правомерен вопрос: так уж ли не соответствует русской культуре способ захоронения «вождя»? Мы также вправе усомниться в перспективности устремлений нынешней политической элиты, пытающейся реанимировать православие в качестве составной части «национальной идеи». Кстати, и сам феномен поиска такой «идеи» властью еще раз свидетельствует о существовании разрыва между культурами «верхов» и «низов», который власть стремится преодолеть, предложив «низам» точку культурного соприкосновения.

Действительно, о ТПК русских, в соответствии с которой вольно или невольно организует свою деятельность политическая власть, наши представления весьма неопределенны. Властные отношения, вследствие уже названных причин, никогда не были специальным объектом исследования науки. Академик Б.А. Рыбаков, в частности, отмечал скудность имеющихся в науке данных по традиционным лидерам: «Этнографы опубликовали непростительно мало материалов в XIX в. о колдунах, знахарях и других представителях волшебников и чародеев» [52, с. 345]. Тем не менее, наличие подобной информации способствовало бы более адекватному пониманию нашей политической психологии, нашего постоянного стремления к мистификации власти. Не поэтому ли мы так охотно голосуем за кандидатов, предвыборные «программы» которых густо замеша-

ны на «чудесах»?

Отсутствие научных данных по русской ТПК постоянно подвигает наших ученых восполнять этот пробел, прибегая к публицистическим характеристикам неких идейно-психологических свойств, присущих русскому народу. Н. Бердяев, например, рассуждая об «истоках русского коммунизма», усматривал их в православии. Хотя и он, несомненно, ощущал связь нашей политической жизни с народной ТПК. Но именно здесь научная логика сменяется публицистикой. Он пишет, например, «о темной иррациональности в низах народной жизни, которая соблазняет и засасывает вершину» или о связанности наших «верхов» «какой-то ниточкой с тьмой в низинной русской жизни» [55, с. 27, 53, 55, 112].

Действительно, российская власть, которая со времен Петра стремится исповедовать РПК западного типа, в то же время находится под воздействием народной ТПК. Поэтому она изначально бикультурна, и, в зависимости от ситуации, ее реальное поведение может быть детерминировано одной из свойственных ей культур. Эта же бикультурность присуща представителям образованного слоя, которые всегда осуществляют власть в государстве. Показательны в этом смысле воспоминания одного француза, который «определившись в услужение генералу Каменскому, не мог довольно нахвалиться его обхождением, покуда они были в Петербурге, но что скоро господин увез его в деревню, и тогда все переменилось. Вдали от столицы образованный русский превратился в дикаря, он обходился с людьми своими, как с невольниками, беспрестанно ругался, не платил жалованья и бил за малейший проступок иногда тех, кто не был виноват».

Мы и сегодня наблюдаем как, в частности, вербальное поведение наших политиков различается внутри страны и за ее пределами. Если за границей они говорят на «европейском языке», то здесь их речи изобилуют символами насилия. Мы также можем утверждать, что нет ничего более ценного, чем человеческая жизнь, но при этом бомбить мирное население Грозного...

И.А. Милославский в 70-х годах прошлого столетия писал: «...формы знания и жизни в нашем отечестве усвоены общеевропейские, а дела остаются чисто русские, допетровские» [53, с. 135]. М.О. Гершензон в начале века отмечал: «Поистине историк не сделал бы ошибки, если бы стал изучать жизнь русского общества по двум раздельным линиям быта и мысли, ибо между ними не было почти ничего общего» [54]. Эти же идеи могут служить хорошей точкой опоры при анализе либеральных реформ в России, которые всегда оборачиваются широким применением насилия: физического, политического, экономического. Это в полной мере относится и к последним попыткам реформ, методы проведения которых многими сейчас определяются как «необольшевистские» [55].

Похоже, ТПК диктует свои модели поведения, вне зависимости от тех, которые предполагает власть. Последняя же не осознает этой реальности, что дало основание А.И. Солженицину определить реформаторов последней волны как «образованцев», т.е. людей, освоивших западную культуру, но имеющих мало представления о культуре собственного народа. Они (если следовать мнению М.О. Гершензона), несомненно, внесли вклад в историю развития либеральной мысли в России, но получились (теперь уже по В. Черномырдину) «...как всегда».

Культурный плюрализм, характерный для российского общества, ча-

сто служит объяснением революционных потрясений в России, которые трактуются как разрешение перманентного культурного конфликта между передовой «интеллигенцией» и консервативной «властью». Тем не менее, антропологический подход при анализе данной проблемы дает все основания утверждать, что в основе революционного российской ПК лежит социально-возрастной конфликт, свойственный традиционному обществу, который в условиях воздействия на него западной ПК обретает форму конфликта культур [56, с. 169–184].

В связи с вышеизложенным представляется, что политико-антропологический подход, ориентированный на изучение ТПК русских, должен восполнить пробел в знаниях, которые необходимы для понимания деятельности политической власти в России. Как показывает практика, РПК, всегда формирующаяся под мощным влиянием норм западной ПК и служащая эталоном для российских правителей, никогда не оказывает существенного влияния на политическое поведение как самих правящих элит, так и управляемых ими людей.

Последнее во многом детерминировано ТПК. В основе такого поведения лежат традиционные стереотипы, возникшие где-то в глубине веков и отражающие внутреннюю логику общественно-политической динамики данного социума. ТПК, имея достаточно устойчивый характер, воспроизводит эти поведенческие модели из поколения в поколение большей частью бессознательно. Задачи ПА видятся в изучении представлений русских о власти и властных отношениях, выявлении основных детерминант политического поведения как властвующих, так и подвластных, конфликтов, характерных для русской ТПК, а также закономерностей, определяющих взаимодействие ТПК и РПК.

Литература

1. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1.
2. Fortes M.M., Evans-Pritchard E.E. African Political Systems. L.: Oxford University Press, 1940.
3. Брайант А.Г. Зулусский народ до прихода европейцев. М.-Л., 1956.
4. Morgan L.H. The League of the Ho-de-no-sau-nee, or Iroquois. Rochester: Sage and Brother, 1851.
5. Maine H.S. Ancient Law. Its Connection with the Early History of Society, and its Relation to Modern Ideas. L.: John Murray, 1861.
6. Lowie R.S. The Origin of the State. N.Y.: Russel and Russel, 1927.
7. Foster M. Applied Anthropology. California, 1969.
8. Cameron D. My Tanganyika Service and Some Nigeria. L., 1939.
9. Mair L. African Chiefs Today // Africa. 1958. Vol. 28.
10. Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление. М.: Наука, 1992.
11. Malinowski B. The Dynamics of Culture Change. L.: Oxford University Press, 1945.
12. Hailey P. Native Administration In British African Territories. Part 4. L., 1951.
13. Malinowski B. Practical Anthropology // Africa. 1929. Vol. 1. № 1.
14. Ольдерогге Д.А., Потехин И.И. Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма // Англо-американская этнография на службе империализма. М.: Наука, 1951.
15. Gluckman M. An Analysis of the Social Theories of B. Malinowski. L., 1949.
16. Бобровников В.О. Колхозная метаморфоза адата у дагестанских горцев // Homo Juridicus. Материалы конференции по юридической антропологии. М.: ИАЭ РАН, 1997.

17. Radcliffe-Brown A.R. *Structure and Function in Primitive Society*. L.: Cohen and West, 1958.
18. Leach E.R. *Political Systems of Highland Burma. A Study of of Kachin Social Structure*. Boston: Blacon Press, 1954.
19. Gluckman M. *Order and Rebellion in Tropical Africa*. L., 1958.
20. Fallers L. *Bantu Bureaucracy. A Study of Integration and Conflict in the Political Institutins of an East African People*. Cambridge, 1956.
21. Barnes I.A. *Politics in a Changing Society. A Political History of the Fort Jameson Ngoni*. Cape Town, 1954.
22. Turner V. *Schism and Continuity in an African Society. A Study of Ndembu Village*. Manchester: Manchester University Press, 1957.
23. Bujra J.M. *The Dynamics of Political Action: A New Look at Factionalism* // *American Anthropologist*. 1973. Vol. 75.
24. Steward J. *The Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana: University of Illinois Press, 1955.
25. Adams R.N. *Energy and Anthropology* // *American Anthropologist*. 1978. Vol. 80. № 2.
26. Balandier G. *Anthropologie politique*. P.: PUF, 1978.
27. Cohen R. *Political Anthropology* // *Handbook of Social and Cultural Anthropology*. N.Y., 1974.
28. Swartz M.J., Turner V.W., Tuden A. *Introduction* // *Political Anthropology*. Chicago: Aldine, 1966.
29. Southall E. *Alur Society*. Cambridge: Heffer, 1953.
30. Vansina J. *A Comparison of African Kingdoms* // *Cultural and Social Anthropology. Selected Readings*. N.Y.-L., 1964.
31. Fried M. *The evoluton of political society. An Essay in Political Anthropology*. N.Y., 1967.
32. *The Early State* // *The Hague / Eds. H.S.M. Claessen, P. Skalnik. Mouton, 1978*.
33. Buell R. *Native Problem in Africa*. Vol. 1–4. L., 1928.
34. Куббель Л.Е. *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука, 1989.
35. Weatherford J. *Tribes on the Hill*. N.Y., 1981.
36. Самойлов Л. *Путешествие в перевернутый мир* // *Нева*. 1990. № 4.
37. Бочаров В.В. *О культурно-психологических истоках русского тоталитаризма* // *Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране*. М.: Наука, 1992.
38. Бочаров В.В. *Иррациональность и власть в России* // *Потестарность*. СПб.: МАЭ РАН, 1997.
39. Бочаров В.В. *Власть и время в культуре общества* // *Пространство и время в архаических культурах*. М.: Ин-т Африки РАН, 1995.
40. Тихомиров Л.А. *Монархическая государственность*. СПб., 1992.
41. Аристотель. *Политика* // *Аристотель. Сочинения*. Т. 4. М., 1983.
42. Ельцин Б. *Исповедь на заданную тему*. М.: Терра, 1990.
43. Выготский Л.С. *Проблемы развития психики* // *Выготский Л.С. Собрание сочинений*. Т. 3. М.: Наука, 1983.
44. Томановская О.С. *Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале* // *Основные проблемы африканистики*. М.: Наука, 1973.
45. Зотова Ю.Н. *Традиционные политические институты Нигерии*. М.: Наука, 1979.
46. Карпов В.К. *Методы английского колониального управления в Танганьике в 1918–1939 гг.* Канд. дисс. М., 1973.
47. Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990.
48. Фадеев Р. *Русское общество в настоящем и будущем*. СПб., 1874.
49. Гарин-Михайловский Н.Г. *Гимназисты*. М.: Художественная литература, 1981.
50. Бердяев Н. *Судьба России*. СПб., 1918.
51. Деникин А.И. *Очерки русской смуты*. М.: Наука, 1991. Т. 2.
52. Рыбаков Б.А. *Язычество древней Руси*. М.: Наука, 1987.
53. Милославский И.А. *Наука и ученые в русском обществе* // *Православный собеседник*. 1879. Февраль.